

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И НАЦИОНАЛЬНАЯ МИФОЛОГИЯ: «ПОСТПРАВДА» И НАУКА НА ГОСУДАРЕВОЙ СЛУЖБЕ

Лескинен Мария Войттовна

Институт славяноведения РАН,
Москва, Россия
marles70@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые общие тенденции реализации политики памяти и «исторической политики» в современной России и Польше. Несмотря на исследования последнего десятилетия, посвященные проблемам псевдоидеологизации и пересмотру прежних национальных и европейских историописаний, а также дискуссиям о дефиниции понятия «историческая политика», можно констатировать, что единого мнения о позиции профессионального историка, о степени его вовлеченности и ангажированности в этот процесс не сложилось. Не очевидна и взаимосвязь между научной школой, методологией и представлениями создателей новых версий истории с канонами национального исторического дискурса. Автор приходит к заключению, что идея выстраивания линии государственно-национальной истории является архаичной, она оперирует моральными категориями и обусловлена целями интеграции и мобилизации сообщества в период формирования новых идеологий.

Ключевые слова: политика памяти, историческая политика, Россия, Польша, образ истории.

Цитирование: Лескинен М.В. Историческая политика и национальная мифология: «постправда» и наука на государственной службе // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 2. С. 66–82. DOI 10.18522/2500-3224-2021-2-66-82 / Leskinen M.V. Politics of History and National Mythology: "Post-Truth" and Science at the "Sovereign Service", in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2021. No. 2. Pp. 66–82. DOI 10.18522/2500-3224-2021-2-66-82.

© Лескинен М.В., 2021

POLITICS OF HISTORY AND NATIONAL MYTHOLOGY: “POST-TRUTH” AND SCIENCE AT THE “SOVEREIGN SERVICE”

Leskinen Maria V.

Institute for Slavic Studies Russian Academy of Science,
Moscow, Russia
marles70@mail.ru

Abstract. The article examines some general tendencies of the memory politics and “politics of history” in contemporary Russia and Poland. Despite of large number of researches on pseudo-deideologization and revision of previous national and European historical descriptions, as well as discussions on definition of the concept “politics of history”, there is no consensus about the historian’s position, about his involvement and engagement into the process of creating new versions of history. The relationship between the science school, methodology and the national historical discourse is not obvious either. The author comes to the conclusion that the idea of a consistent line of state-national history is archaic, is using moral categories, and depends on community integration in times of crisis and social stratification. However, the image of “united national body” it is not the one possible consequence of the combination of the culture of memory and the new image of the past.

Keywords: Memory Politics, Politics of History, Russia, Poland, Image of History.

*Острая шутка не есть окончательный приговор: *** сказал,
что у нас есть три Истории России:
одна для гостиной, вторая для гостиной,
третья – для гостиного двора (1830)*

[Пушкин, 1988, с. 336]

*История есть повествование о достопамятных событиях –
учили нас в гимназии,
история есть народное самосознание –
учили нас в университете (1872)*

[Бестужев-Рюмин, 2019, с. 9]

Понятие «историческая политика», возникшее в ФРГ в 1980-е гг., ныне обрело статус нормативного. Его актуальность обусловлена, во-первых, остротой идеологических баталий о прошлом, которые благодаря усилиям СМИ постоянно находятся в центре внимания. Во-вторых, все чаще трудности и кризисы в социально-политической жизни внутри страны и особенно в межгосударственных отношениях объясняются именно последствиями фальсификации истории (рассматриваемой как следствие «исторической политики» оппонентов) – в частности, в странах Восточной Европы и России.

Вопросы теории и практики исторической политики вскоре после появления данного понятия стали объектом рефлексии и интерпретации прежде всего ученых-историков [Polityka historyczna, 2005; Pro et contra, 2009; Шнирельман, 2011; Историческая политика..., 2012; Репина, 2013; Колеров, 2014; Герасимов, 2017; Luczewski, 2017; Методологические вопросы..., 2018; Политика памяти..., 2020; Прошлое для настоящего..., 2020 и др.]. Число конференций, сборников и отдельных статей за последние годы увеличилось многократно, и публикации не иссякают. В нашу задачу не входит их аналитический разбор. Обратим внимание лишь на кажущиеся принципиальными аспекты, характеризующие особенности этой политики в России и в Польше.

Нельзя обойтись без вопроса о дефиниции понятия, к которой неоднократно обращался А.И. Миллер [Миллер, 2009, 2012, 2016, 2018]. Полемика об определении понятия «историческая политика» вызвана тем, что оно соотносится с целым рядом других терминов и понятийным аппаратом новых междисциплинарных направлений, связанных с исследованием концептов исторической памяти и т.п. О.Ю. Малинова справедливо утверждает, что «... даже при беглом знакомстве с литературой по *memory studies* становится очевидно, что в ней есть много конкурирующих понятий для обозначения если не идентичных, то весьма сходных явлений и процессов: “историческая политика”..., “политика прошлого”..., “политика памяти”..., “коллективная / общественная память”..., “историческая память”..., “политическое использование истории”..., “режим памяти”..., “культуры памяти”..., “игры памяти”... и др. Причем конвенции относительно содержания вышеперечисленных терминов отсутствуют» [Малинова, 2018, с. 32].

А.И. Миллер настаивает на необходимости различения понятий «историческая память» и «политизация истории» (или «политика памяти»). Политизацию истории Миллер считает неизбежной, обусловленной различиями научных школ, мировоззрением самих историков, их идеологическими позициями, политическими идеалами, степенью ангажированности, вовлеченности в дискурсы современных национальных историографий и т.п. [Миллер, 2009, с. 6–7]. «Политику памяти» Миллер описывает как формирование и бытование различных образов прошлого и выражение их в официальных и общественных «практиках коммеморации», которые могут вступать в конфликт или оказываться альтернативными, включая и «политику забывания» [Миллер, 2009, с. 7–8].

Термин «историческая политика», возникший в польской общественной мысли в начале 2000-х гг. в качестве осознанной программы формирования новой версии национальной истории, был заимствован из немецкого политического лексикона 1980-х гг. [Траба, 2009, с. 43–48], где он определял отношения политики и истории, но более жестко и однозначно. Миллер исходит из того, что именно политика «создает» новую историю. Но в обществах демократических этот процесс, как и всякий иной, соотносится с общественным обсуждением, с открытой полемикой различных концепций и точек зрения [Миллер, 2009, с. 9]. В некоторых так называемых «посткоммунистических» обществах «историческая политика» оказалась зависима от давления «сверху» (в том числе при помощи социальных институтов) и обрела качественно иные формы [Миллер, 2009, с. 9]. Это нашло отражение в стремлении к выработке безальтернативного курса истории в школах, в создании институтов национальной памяти, новых музеев («оккупационного режима», сталинизма, тоталитаризма), в «войнах памятников», в создании нового национального пантеона и т.п. Ее следствием стала также актуализация образа врага; очевидна взаимосвязь новой концепции истории для «внутреннего», национального «потребления» с задачами внешнеполитической стратегии.

ВВЕДЕНИЕ КОНЦЕПТА «ПАМЯТЬ» И ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИОПИСАНИЯ В XX В.

В противопоставлении «политики» и «памяти» заметна важная тенденция и даже традиция, связанная с оппозицией история / память, особенно отчетливая в советской историографии, для которой воспоминания и индивидуальный опыт всегда были отделены от официального историописания; а в источниковедении мемуаристика всегда рассматривалась как не самый достоверный источник, но не только по причинам объективно-методологического характера — индивидуальная память очевидно не выдерживала конкуренции с принятым и «утвержденным» образом событий, вступая в явные противоречия с ним. Впрочем, в этом отношении советская наука пребывала в общем русле с и дореволюционной, и с традиционными европейскими историческими доктринами «объективизма», кризис которых наметился только в 1930-е гг. С разработкой новых антропологических и социолингвистических методов изучения исторических нарративов вновь стала обсуждаться в эпистемологическом ключе проблема отделения вымысла, образов истории от фактографии, которая в каждую эпоху решалась учеными по-разному. После публикации в 1948 г. «Идеи истории» Р. Коллингвуда стало

наконец очевидным, что в историографии любой эпохи «огромные пласты реальности не считаются фактами и не подлежат фиксации» [Лотман, 1999, с. 303], и, следовательно, любое историческое исследование не может претендовать на обладание истиной в последней инстанции и на объективность представленной в нем картины.

Концепт «память» в научном лексиконе появился в середине XX века — вначале как социологическая теоретическая модель изучения ментальности. Ее основоположником считается французский социолог Морис Хальбвакс, который противопоставлял историю и коллективную память как две разные версии прошлого, считая противоречивым и неточным выражение «историческая память» [Хальбвакс, 2005; Буллер, Линченко, 2019], поскольку история как образ прошлого порождена доминирующей социальной группой, стремящейся сохранить собственное видение прошлого, чтобы «легитимизировать» свой статус. Историю он понимал, говоря словами М. де Серто, как «социальный продукт», как «живую» (индивидуальную и коллективную) память, связанную с мифологическим сознанием, воспринимал как более свободную и избирательную в наборе воспоминаний.

Идеи Хальбвакса оказались весьма актуальными в 1960-е гг., когда в Европе начался процесс описания и осмысления истории Второй мировой войны как гуманитарной катастрофы, что стимулировало изучение так называемых «травмирующих воспоминаний» [Рюзен, 2005]. Фиксация и анализ «голосов из хора» свидетельств выявили принципиальные различия в воспоминаниях о войне палачей и жертв, победителей и побежденных, а также конфликт между нарративом «хладнокровных» кабинетных ученых и эмоциональной памятью «простых» участников трагических событий. Совокупность индивидуальных воспоминаний («коллективная память») получила статус альтернативной истории, ее истинность была поднята на щит и быстро сакрализовалась. В сущности, речь шла о разных «историях» — одна была создана и написана с применением строгих исследовательских методов, вторая претендовала на доказательность и объективность, опираясь исключительно на «увиденное собственными глазами» [Вельцер, 2005]. Н.Я. Яковенко подчеркивает, что «исторической памяти» «не страшен тест на достоверность, поскольку служит она не исследовательской верификации, но поддержанию сложившегося канона в восприятии “нашего” прошлого — канона, над которым не размышляют, а просто “знают” его в качестве “дорогих сердцу истин”», при этом «тексты (и сопутствующие им квазизнания), обслуживающие “историческое сознание” нации, принадлежат к принципиально иному жанру, нежели продукция ученых исследователей» [Яковенко, 2007].

В 1960–1970-е гг. ценность индивидуальных воспоминаний и коллективных представлений, базирующихся на Памяти, абсолютизировалась: они рассматривались как «объективные» независимо от фактической точности, возможных aberrаций. Большую роль в этом сыграла приверженность ученых национальным и конфессиональным традициям собственных этносоциальных групп [Мегилл, 2007, с. 100–101]. Проблема репрезентативности и познавательной ценности мемуаристики как источника была на время изъята из исторических штудий этого рода; бурное развитие субъективно-национальных нарративов истории XX в. стало важным фактором

переформатирования историй в новых государствах. Если ранее историки описывали и объясняли прошлое в полемике друг с другом, то теперь Свидетельство стало важнейшим аргументом в борьбе за объективность и истину в историописании. Несоответствие национальных вариантов истории Второй мировой войны дополнилось выявлением ее противоречивых образов в памяти разных социальных групп (этнических, профессиональных, возрастных, гендерных) внутри отдельных наций, многие из которых просто игнорировались историками. Осуществляется пересмотр идеологических и политических целей и вклада участников, ее хода и итогов; при этом происходит нравственная переоценка средств достижения победы. Возникает целый комплекс вопросов, прежде официальной историей не рассматривавшихся: мотивы коллаборационистов и предателей, выбор «простого человека» при оккупационных режимах, гендерное насилие на войне, позиция пособников фашизма и др. (пример – книга Я. Т. Гросса о еврейском погроме в Едвабне [Гросс, 2002], вызвавшая бурное обсуждение в польском обществе в 2000–2002 гг.).

Для исторической политики характерна апелляция (подчеркиваемая или замалчиваемая) к воспринятому и ключевому для западноевропейской историографии послевоенного времени понятию «травмы». Если изначально концепт «травмы», заимствованный из психологии личности, будучи перенесенным в поле «коллективной памяти» (прежде всего Холокоста, геноцида и массового уничтожения), связывался с последствиями войн и репрессий, то ныне он расширяется до пережитых общностью / народом общенациональных катаклизмов разных уровней (утрата / воссоздание национальной независимости, смена общественно-политического строя, депортации и переселения, этнические чистки и т. п.).

Можно констатировать всплеск научного интереса к концепту «память» и методам его исследования, который произошел в российской гуманитаристике в результате освоения терминологии и идей зарубежных исследователей. Переломными стали 2004–2006 гг., когда в связи с юбилеем Великой Отечественной войны осмысление «конфликта памяти» и ее поливариантных репрезентаций в одной национальной культуре приобрело особенную остроту. Российское общество не торопилось, однако, «переписать» официальную историю с позиции переживаний / воспоминаний о прошлом – в российском сознании на тот момент преобладало отношение к Истории и к роли профессиональной корпорации историков, сформировавшееся в рамках просветительской доктрины [Хёслер, 2005].

Современных отечественных историков можно разделить на две группы: первые считают, что ответ на вопрос «что было» (или «что происходило») намного важнее реконструкции процесса формирования образов и трактовок хода событий; вторые допускают изучение отделенного от научной историографии опыта социальной и национальной памяти. Однако и те, и другие убеждены, что История и Память обладают равновесным потенциалом «объективной реальности». Объединяющим началом оказываются также некоторые установки старшего поколения (как в среде профессиональных историков, так и общества в целом) в отношении прошлого, характерные для советского времени. Это убежденность в существовании 1) единого и верного образа истории («как было

на самом деле»), 2) общего, стандартного знания о прошлом, лишённого социальных, конфессиональных, гендерных и иных вариантов, а также 3) нации как единого организма. История-как-наука («объективное» знание о прошлом) и коллективная память как «бытующие в народе представления и мифы о ней» в качестве «конфликтных образов» очевидным образом противопоставляются историками не только в России, но и в Восточной Европе [Шнирельман, 2000; Nowak, 2004; Шайде, 2004; Трёбст, 2004; Хёслер, 2005; *Polityka historyczna*, 2005; Luczewski, 2017].

Важным последствием этих процессов можно считать появление феномена и термина «постправда», под которым принято понимать существование как минимум двух позиций относительно одного факта / объекта / события: доказуемой и принимаемой на веру или же задействующей эмоции, доминирующие над рациональными аргументами. Оксфордский словарь английского языка, в который было включено слово «постправда», объявленное «словом 2016 года», предлагает такое определение: «Постправда — обстоятельства, при которых объективные факты являются менее значимыми при формировании общественного мнения, чем обращения к эмоциям и личным убеждениям» [цит. по: Ростова, 2018, с. 130]. Постправда соотносится с дезинформацией, фальсификацией, манипуляцией массовым сознанием, намеренной ложью и т.п., в исторической политике понятие зачастую используется для разделения «исторических мифов» и «исторических фактов», однако оно некорректно. Особенностью постправды является намеренное искажение фактов для достижения определенной эмоциональной реакции — то есть манипуляция, и в этом смысле историческая политика, конечно, задействует ее приемы.

ПОЛИТИКА, МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ: ВОЗВРАТ К ПРОШЛОМУ

Без участия профессионального сообщества историков выработка исторической политики невозможна. Однако неверно было бы представлять такое участие исключительно как реализацию «заказных» проектов или сознательные фальсификации «удобных» ученых. Ведь, как точно замечает О.Ю. Малинова, историческая политика — это «политическое использование прошлого», она «работает не с прошлым, а с социальными представлениями о прошлом. При этом она имеет дело не столько с историей — систематической реконструкцией прошлого, основанной на критическом отборе, — сколько с тем, что принято называть *коллективной памятью*, т.е. с социально разделяемым культурным знанием о прошлом, которое опирается на разные источники и отличается принципиальной неполнотой и избирательностью» [Малинова, 2018, с. 32]. Несмотря на заявления некоторых исследователей о том, что мифологизация истории в массовом сознании неизбежна и была всегда, следует подчеркнуть, что стремление элиты — как политической, так и интеллектуальной, — создать «патриотически-правильную» картину прошлого, — относится к определенному этапу развития исторической науки. В частности, к периоду формирования наций, когда возникает потребность в создании и объяснении общенациональной «линии», избранной направленности исторического процесса в рамках национально-единого

поля. И в России, и в Польше (хотя и на разных фазах нациестроительства) этим периодом была вторая половина XIX столетия, когда необходим был образ исторического прошлого, в котором государственность и народ представляли бы равновеликими создателями. Важную роль играл миф о создании (сохранении или возрождении утраченной) государственности, так как «историчность» народа во второй половине XIX века продолжала определяться его «способностью» к государствообразованию.

В польской историографии второй половины XIX в. интегрирующей национальное сознание стала концепция национальной травмы – лишения государственности [Васильев, 2012], в центре внимания оказались драмы разделов и актуализация образов врага – держав-поработителей. Они, в свою очередь, связывались с идеей о вине других народов. Эти концепции укрепляли вековые этнокультурные негативные стереотипы и формировали национальную мифологию, универсальные черты и механизм действия которой подробно описаны В.А. Шнирельманом [Шнирельман, 2000, 2011]. Исследователь подчеркивает, что необходимость «могущественного мобилизующего мифа, способного объединить общество и увлечь его в едином порыве к достижению определенной политической цели», естественна для периода формирования национальных идеологий и национально-освободительных движений: «Миф может опираться и на реальные факты. Но вопрос заключается не в том, насколько факты реальны или выдуманы, а в том, что они подвергаются процедуре отбора и интерпретации, в результате чего выстраивается историческая конструкция, способная обслуживать совершенно определённые интересы и преследовать определённые цели» [Шнирельман, 2011, с. 22]. Шнирельман замечает, что «иной раз миф создают и профессиональные историки» [Шнирельман, 2011, с. 22–23].

Именно такие процессы характерны для общественного сознания современной Польши и России – в центре дискуссий об истории снова стоит концепция государствообразующего народа / нации, ценности и идеалы национального. Цель исторической политики – переписать существовавшие доселе стандарты исторического знания о прошлом своего государства и нации, и это переписание строится с использованием арсенала архаических средств (категорий и, что важнее, парадигм, методов и патриотических интенций), характерных для XIX в. Вопрос в том, насколько адекватна данная концепция современной социальной реальности.

Польский исследователь Р. Траба убедительно показал, что в польских дискуссиях о «новой исторической политике» последнего десятилетия речь идет, в сущности, в возврате к «этническому патриотизму» XIX в. [Траба, 2009]. Действительно, ключевыми проблемами оказываются процессы единения и религиозно-нравственная идеализация нации, рассматриваемые, как и прежде – в поле утраты государственности, ответственности за нее внешних врагов и внутренней «пятой колонны», с одним нюансом – перенесенные в недавнюю историю, историю XX в. По-прежнему не преодолены историко-психологические травмы (они нашли весьма красноречивое воплощение в новейшей польской художественной литературе [Адельгейм, 2018, с. 28–193]).

В российской исторической политике так и не завершен пересмотр советского периода (успехов и поражений социалистической системы и идеологии), но формируется

гибрид «имперской» формы национализма с элементами новой православной идеологии. Актуальность приобретают те же вопросы, что и полтора столетия назад: о соотношении этничности и национальности, нации, народа и государства, о роли народа в судьбах спасения / отстаивания государственности, о значении Церкви. История Великой Отечественной войны сакрализуется тем интенсивнее, чем острее становятся дискуссии о цене победы и ресурсах, брошенных на обретение мощи послевоенной советской державы. Концепции жертвы и травмы в российской исторической политике, в отличие от версии истории России позапрошлого столетия, являются новыми, но приобретают иной характер, чем в польском историческом дискурсе.

В современной исторической политике в России и в Польше видим схожие черты: попытку переписать снова, как и в период нацистроительства, историю в опоре исключительно на государственно-политическую эволюцию. В основе полемики главной аргументацией является бывший некогда центральным для историографий второй половины XIX в. вопрос моральной оценки исторических событий, особенно трагических для нации. Средневековая трактовка истории в духе провиденциализма и наказания за нарушение христианских религиозных норм не исчезла, такой подход оказывается зачастую главным критерием включения или невключения события в череду исторически значимых, именно он определяет роль различных сил. Активно задействуются концепты «вины», «стыда», «греха», через призму которых предлагается рассматривать причинно-следственные связи и «ответственность» не только государственной власти и конкретных деятелей, но и социальных групп и даже этносов друг перед другом. В этом также видится сходство новой интерпретации национальных историй с историческими национальными нарративами XIX в.

Интенсификация в поле сотворения «нового прошлого» обусловлена в том числе и вызовами, порожденными новой системой передачи информации, новыми способами коммуникации и, как следствие, неэффективностью прежней образовательной и просветительской парадигмы; налицо также кризис модели Просвещения XVIII и идеала модернизации XIX в. Проблема удержания контроля над умами требует новых средств и методов. Однако пока реализуется лишь попытка возврата к уже опробованным архаичным образцам.

В массовом сознании особенно интенсивным попыткам апеллировать к чувствам и эмоциям граждан подвергаются два аспекта: история СССР и внешнеполитических отношений с соседями (связываемых с объяснениями современных проблем политики и состояния общества), с действиями других государств. Российская империя, СССР и Россия 2000-х гг. в той или иной степени отождествляются (в Польше – в негативном ключе, в России – в позитивном), что приводит к тому, что конфликты между государствами переносятся на национальные сообщества. Россияне и поляки оказываются заложниками негативных этнокультурных стереотипов друг о друге.

Причина лежит в области социально-политической. И Польша, и Россия нуждаются в формулировке новых исторических (национальных) целей и стратегий развития. Ставшая привычной и понятной в последние два века национальная оболочка этих вызовов – готовый набор ответов. Но попытка актуализировать его сегодня

сталкивается с невозможностью задействовать его в глобализирующемся мире. Простая апелляция к образу врага позволяет на время замаскировать это противоречие, переключив рациональность на эмоции (политика постправды). Очевидно и то, что национальное традиционно призвано замещать или нивелировать социальные и экономические конфликты, неравенство и расхождение деклараций и реальности — ведь национальное всегда опирается на идею единства и солидарности.

МИФОЛОГИЗАЦИЯ ВЛАСТИ ФАКТА

Нельзя не отметить и еще одно обстоятельство: для воссоздания такой (архаичной) по форме и концепциям модели национальной истории трудно напрямую апеллировать к истории как науке в ее современном состоянии. Ведь эволюция социальных дисциплин, произошедшая в XX веке, привела к отказу от позитивистской доктрины. «Позитивизм, — пишет А. Я. Гуревич, — исходил из презумпции единства научной методологии, независимо от того, применяется ли она к естественным наукам или к наукам о человеке, ибо, согласно этой презумпции, и те и другие отрасли знания имеют конечной целью открытие и формулирование законов» [Гуревич, 1993, с. 14]. Это направление строилось на убежденности в объективности факта как такового, вытекало из его самодовлеющего значения. Основным методологическим следствием оказывалось представление о ходе истории как чередой бесспорных (то есть зафиксированных в достоверных источниках) избранных важных фактов, и на втором плане оставалось обоснование их выборки, принципа выстраивания причинно-следственных связей.

Парадоксальным образом происходит обращение современной исторической политики не только к историософии второй половины XIX в. и образцам национальных нарративов периода нациестроительства; имеет место стремление вернуться и к «простой», понятной, а главное, декларирующей себя в качестве «единственно объективной» позитивистской научной парадигме. Разумеется, она предстает в несколько видоизмененном виде, но в ее основе лежит вера в абсолютную власть факта. Подспудно проводится мысль о том, что именно и только факты составляют поле истории, что сам их перечень и есть очевидная система доказательств. В обывательское сознание внедряется мысль о том, что есть определенная и ясная картина «того, что было».

Отсюда же — отмечаемая польским исследователем Р. Трабой и актуальная в том числе и для российской исторической политики «фетишизация архивов» и даже сакрализация особого (прежде тайного) архивного знания, скрываемого одними и предаваемое гласности другими. Все это так или иначе призвано доказать, что существует только одна, «настоящая история», она — в фактах, и альтернативы ей быть не может. Вера в то, что выбор на сложных этапах исторического пути был невозможен, или он был ограничен, или предопределен, причем в его основе лежала не прагматическая, а прежде всего моральная (или патриотическая) аргументация, — так же, как отказ от вопроса о том, «что было бы, если бы» — наиболее важные черты трактовки истории исторической политикой. Отсюда использование исключительно бинарных оппозиций, оценочных дихотомий, а неизбежным следствием моральной оценки действий

индивидов и народов становится странная и довольно двусмысленная попытка статистически оценить и сравнить масштаб страданий, бедствий и жертв разных групп. Таким образом «взвешивается» моральный облик других, как правило, народов – на своих «национальных весах». При этом современные люди и нации видятся прямыми наследниками тех, кто совершал преступления или стал их жертвой, и, следовательно, упреки и кары возлагаются на них по принципу кровной ответственности. Такой взгляд характерен и для польской, и для российской исторической политики.

Нельзя не отметить еще одну важную тенденцию в российском общественном сознании. Рост значения и авторитета Церкви в государственно-политической жизни, в степени воздействия на умы растущего числа верующих приводит к переосмыслению истории через призму, во-первых, религиозных ценностей, а во-вторых, через идею отрицания атеизма в советском обществе. Отсюда – переоценка роли церковных институтов и веры в кризисные моменты российской истории, в том числе и XX в. [Ларюэль, 2020]. Совместными усилиями русской православной элиты и воцерковленных ученых создается новый образ российской государственности, в которой Церковь и Самодержавие являются оплотом независимости русского народа.

Весьма красноречиво в этом отношении выступление известного деятеля Русской православной церкви епископа Тихона Шевкунова, критикующего взгляды деятелей культуры на историю [Тихон Шевкунов, 2017]. Основные идеи о различении «их фальсификации» и «нашей исторической правды» были высказаны ранее [«Принцип домино», 2015]. Он категорически отвергает любые попытки усмотреть в современных историко-церковных проектах популяризации истории державной России стремление оказать влияние на формирование нового образа российской истории – в сущности, принципиально нового дискурса: «...мы делаем наши экспозиции “Россия – моя история” (серии масштабных мультимедийных выставочных проектов, начиная с 2013 г., по инициативе Патриаршего Совета по культуре: «Рюриковичи», «Романовы», «1914–1945. От великих потрясений к Великой Победе», «Россия – моя история. 1945–2017» [Россия – моя история; Казьмина, 2020; Ларюэль, 2020, с. 140–142]. – М.Л.). Это не клерикальный проект, это проект историков, архивистов, представителей вузов и научно-исследовательских институтов, а потом уже Патриаршего Совета по культуре...» [Тихон Шевкунов]. В его аргументации важна апелляция к «самоочевидной» для историков идее о том, что именно факты и есть сама история и что ее искажение и фальсификации опасны и недопустимы – при одновременном утверждении: «для меня абсолютной правдой, абсолютной историей является Священное Писание» [Тихон Шевкунов].

Известный польский писатель Витольд Гомбрович, размышляя над польской идентичностью и ее «зависимостью» от истории, считал необходимым преодолеть порожденную национальной парадигмой идеологию народа-нации. Он выступал за индивидуальное самосознание, многогранность этнокультурной идентичности. Его слова, не услышанные большинством сограждан, современников и потомков, остаются актуальными и сегодня, притом не только для поляков: «Если бы мы изменили наше отношение к Польше... это привело бы к ряду... мобилизующих ревизий, обеспечивающих нам динамику развития на длительную перспективу. Например,

ревизия польской истории. Я не утверждаю, что следует ликвидировать историческую школу... Эту школу следует дополнить другой, той, которая рассматривала бы историю с точки зрения развития человека в Польше, и тогда могло бы оказаться, что эти два развития – государства и индивида, личности – не всегда шли рука об руку, и что самые удачные периоды для нации, возможно, были не самыми счастливыми для индивида. В любом случае стало бы ясно, что эти два развития не идентичны... Важно, чтобы мы наконец смогли, по крайней мере, вытащить одну ногу из истории... отыскать некую точку опоры. Ибо, не будучи принуждены к любви и обожанию польскости, мы бы не испытывали потребности любить нашу историю... Моя ценность в том как раз и состоит, что меня не устраивает мое “я” как исторический продукт... и я обращаюсь против нее [истории], освобождаюсь от пут истории» [Гомбрович, 2012, с. 290–291]. Наверное, стоит еще поразмыслить над его словами.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Адельгейм И.Е. Психология поэтики: аутопсихотерапевтические функции художественного текста (на материале польской прозы 1990–2010-х гг.). М.: Индрик, 2018. 648 с.

Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. М.: Юрайт, 2019. 470 с.

Буллер А., Линченко А.А. Культурная память как предмет философского осмысления // *Диалог со временем*. 2019. № 66. С. 5–18.

Васильев А.Г. «Падение Польши» и модели мемориализации травмы // *Кризисы переломных эпох в исторической памяти*. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 215–248.

Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // *Память о войне 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа*. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 51–63.

Герасимов Г.И. Идеалистический подход к истории // *Исторический журнал: научные исследования*. 2017. № 5. С. 21–36.

Гомбрович В. Дневник / Пер. с пол. Ю. Чайникова. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2012. 764 с.

Гросс Я.Т. Соседи. История уничтожения еврейского местечка. М.: Текст, 2002. 155 с.

Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М.: Индрик, 1993. 327 с.

Историческая политика в XXI веке / Под ред. А. Миллера, М. Липман. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 648 с.

Казьмина В.П. Исторические парки «Россия – моя история» как отражение трансформаций институционального измерения российской политики памяти // *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы*. Колл. монография / Под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Издательство Европейского университета, 2020. С. 172–187.

Колеров М.А. «Историческая политика» в современной России: в поисках институтов и языка // *Русский сборник*. 2014. Т. XVI. С. 441–480.

- Ларюэль М.* Политика памяти Русской православной церкви: реабилитируя, перехватывая, возвращая // *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы.* Колл. монография / Под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. С. 122–143.
- Лотман Ю.М.* Проблема исторического факта // *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Яз. русской культуры, 1999. С. 301–306.
- Малинова О.Ю.* Политика памяти как область символической политики // *Методологические вопросы изучения политики памяти* / Отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М.–СПб.: Нестор-история, 2018. С. 27–53.
- Мегилл А.* Историческая эпистемология. М.: Канон+, 2007. 480 с.
- Методологические вопросы изучения политики памяти* / Отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М.–СПб.: Нестор-история, 2018. 224 с.
- Миллер А.И.* Введение. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // *Историческая политика в XXI веке* / Под ред. А. Миллера, М. Липман. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 7–32.
- Миллер А.И.* Введение. Методологические проблемы изучения политики памяти – решенные, неразрешенные и неразрешимые // *Методологические вопросы изучения политики памяти* / Отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М.–СПб.: Нестор-история, 2018. С. 4–10.
- Миллер А.И.* Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // *Полития.* 2016. № 1. С. 111–121.
- Миллер А.И.* Россия: власть и история // *Pro et contra.* 2009. № 3–4. С. 6–23.
- Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы.* Колл. монография / Под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. 632 с.
- «Принцип домино» (РТР, 20 марта 2015 г.). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=RWCWIKz6Mtw> (дата обращения – 13 марта 2021 г.).
- Прошлое для настоящего: история-память и нарративы национальной идентичности / Под общей ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2020. 512 с.
- Пушкин А.С.* Мысли о литературе. М.: Современник, 1988. 640 с.
- Репина Л.П.* Историческая наука в предметном поле // *История и историки в прошлом и настоящем.* М.: ИВИ РАН, 2013. С. 5–22.
- «Россия – моя история». URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Россия_-_моя_история (дата обращения – 03 марта 2021 г.).
- Ростова Н.Н.* Философская аналитика идеи постправды // *Христианское чтение.* 2018. № 6. С. 130–138.
- Рюзен Й.* Кризис, травма и идентичность // «Цепь времен». *Проблемы исторического сознания.* М.: ИВИ РАН, 2005. С. 38–62.
- Тихон Шевкунов.* История реальная и вымышленная. Механизмы формирования образов. 4 июля 2017 г. URL: <https://pravoslavie.ru/104899.html> (дата обращения – 03 марта 2021 г.).

- Траба Р. Польские споры об истории в XXI веке // *Pro et contra*. 2009. № 3–4. С. 43–64.
- Трёбст Ш. «Какой такой ковер»? Культура памяти в посткоммунистических обществах Восточной Европы: Попытка общего описания и категоризации // *Ab Imperio*. 2004. № 2. С. 41–77.
- Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // *Память о войне 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа*. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 16–50.
- Хёслер И. Что значит «проработка прошлого»? Об историографии Великой Отечественной войны в СССР и России // *Память о войне 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа*. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 156–169.
- Шайде К. Коллективные и индивидуальные модели памяти о «Великой Отечественной войне» (1941–1945) // *Ab Imperio*. 2004. № 3. С. 1–26.
- Шнирельман В. Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // *Реальность этнических мифов*. М.: Гендальф, 2000. С. 12–33.
- Шнирельман В.А. Подделки и альтернативная история // *Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов* / Отв. ред. А.Е. Петров, В.А. Шнирельман. М.: ИА РАН, 2011. С. 17–34.
- Яковенко Н. Одна Клио — две истории // *Отечественные записки*. 2007. № 1. URL: <http://www.strana-oz.ru/2007/1/odna-klio-dve-istorii> (дата обращения — 18 марта 2021 г.).
- Luczewski M. *Kapital moralny. Polityki historyczne w późnej nowoczesności*. Kraków: Ośrodek myśli politycznej, 2017. 440 s.
- Nowak A. From Empire Builder to Empire breaker or there and back again: History and Memory of Poland's Role in East European Politics // *Ab imperio*. 2004. № 1. С. 255–291.
- Polityka historyczna: historycy – politycy – prasa*. Ed. by L. Cichocka, A. Panecka. Warszawa: Muzeum Powstania Warszawskiego, 2005. 272 s.
- Pro et contra*. 2009. № 3–4.

REFERENCES

- Adel'geim I.E. *Psikhologiya poetiki: autopsikhoterapevticheskie funktsii khudozhestvennogo teksta (na materiale pol'skoi prozy 1990–2010-kh gg.)* [Psychology of Poetics: Autopsychotherapeutic Functions of a Literary Text (based on the material of Polish prose of the 1990s–2010s)]. Moscow: Indrik, 2018. 648 p. (in Russian).
- Bestuzhev-Ryumin K.N. *Russkaya istoriya* [The Russian History]. Moscow: Yurait, 2019. 470 p. (in Russian).
- Buller A., Linchenko A.A. Kul'turnaya pamyat' kak predmet filosofskogo osmysleniya [Cultural Memory as a Subject of Philosophical Understanding], in *Dialog so vremenem*. 2019. No. 66. Pp. 5–18 (in Russian).
- Vasil'ev A.G. "Padenie Pol'shi" i modeli memorializatsii travmy ["The Fall of Poland" and models of trauma memorialization], in *Krizisy perelomnykh epokh v istoricheskoi pamyati*

[Crises of Critical Epochs in Historical Memory]. Moscow: IVI RAN, 2012. Pp. 215–248 (in Russian).

Welzer H. *Istoriya, pamyat' i sovremennost' proshlogo. Pamyat' kak arena politicheskoi bor'by* [History, Memory and the Presence of the Past: Memory as a Political Arena], in *Pamyat' o voine 60 let spustya. Rossiya, Germaniya, Evropa* [The Memory of World War II. 60 Years Later: Russia, Germany, Europe]. Moscow: NLO, 2005. Pp. 51–63 (in Russian).

Gerasimov G.I. *Idealisticheskii podkhod k istorii* [An Idealistic Approach to the History], in *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*. 2017. No. 5. Pp. 21–36 (in Russian).

Gombrovich V. *Dnevnik* [The Diary]. Transl. Yu. Chainikov. Saint-Petersburg: Izd-vo Ivana Limbaha, 2012. 764 p. (in Russian).

Gross J.T. *Sosedi. Istoriya unichtozheniya evreiskogo mestechka* [Neighbors. The history of the destruction of the Jewish shtetl]. Moscow: Tekst, 2002. 155 p. (in Russian).

Gurevich A.Ya. *Istoricheskii sintez i Shkola "Annalov"* [The Historical Synthesis and the "Annales"]. Moscow: Indrik, 1993. 327 p. (in Russian).

Istoricheskaya politika v XXI veke [The Politics of History in 21st century]. Ed. by A. Miller, M. Lipman. Moscow: NLO, 2012. 648 p. (in Russian).

Kaz'mina V.P. *Istoricheskie parki "Rossiya – moya istoriya" kak otrazhenie transformatsii institutsional'nogo izmereniya rossiiskoi politiki pamyati* [Chapter 9. The Reconstruction of the Historical Park "Russia – My History": Changes of Symbolic Politics?], in *Politika pamyati v sovremennoi Rossii i stranakh Vostochnoi Evropy. Aktory, instituty, narrativy* [The Politics of Memory in Contemporary Russia and Eastern Europe. Actors, Institutes, Narratives]. Ed. by A.I. Miller, D.V. Efremenko. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020. Pp. 172–187 (in Russian).

Kolerov M.A. *"Istoricheskaya politika" v sovremennoi Rossii: v poiskakh institutov i yazyka* ["The Politics of History" in Modern Russia: Searching of Institutions and Language], in *Russkii sbornik*. 2014. Vol. XVI. Pp. 441–480 (in Russian).

Laryuel' M. *Politika pamyati Russkoi pravoslavnoi tserkvi: reabilitiruyaya, perekhvatyvaya, vozvrashchaya* [The Politics of Memory of the Russian Orthodox Church: Rehabilitating, Intercepting, Returning], in *Politika pamyati v sovremennoi Rossii i stranakh Vostochnoi Evropy. Aktory, instituty, narrativy* [The Politics of Memory in Contemporary Russia and Eastern Europe. Actors, Institutes, Narratives]. Ed. by A.I. Miller, D.V. Efremenko. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020. Pp. 122–143 (in Russian).

Lotman Yu.M. *Problema istoricheskogo fakta* [The problem of Historical a Fact], in Lotman Yu.M. *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside Thinking Worlds. A Human – Text – Semiosphere – History]. Moscow: YAZ. russkoy kul'tury, 1999. Pp. 301–306 (in Russian).

Malinova O.Yu. *Politika pamyati kak oblast' simbolicheskoi politiki* [The Politics of Memory as an Area of Symbolic Politics], in *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati* [The Methodological Issues of Politics of Memories Studying]. Ed. by A.I. Miller, D.V. Efremenko. Moscow–Saint-Petersburg: Nestor-istoriya, 2018. Pp. 27–53 (in Russian).

Megill A. *Istoricheskaya epistemologiya* [Historical Epistemology]. Moscow: Kanon+, 2007. 480 p. (in Russian).

Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati [The Methodological Issues of Politics of Memories Studying]. Ed. by A.I. Miller, D.V. Efremenko. Moscow–Saint-Petersburg: Nestor-istoriya, 2018. 224 p. (in Russian).

Miller A.I. Vvedenie. Istoricheskaya politika v Vostochnoi Evrope nachala XXI v. [Introduction. The Politics of History in Eastern Europe at the beginning of the 21st century], in *Istoricheskaya politika v XXI veke* [Politics in History in 21st century]. Ed. by A. Miller, M. Lipman. Moscow: NLO, 2012. Pp. 7–32 (in Russian).

Miller A.I. Vvedenie. Metodologicheskie problemy izucheniya politiki pamyati – reshennye, nerazreshennye i nerazreshimye [The Methodological Problems of Politics of Memories Studying: Resolved, Unresolved and Unsolvable], in *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati* [The Methodological Issues of Politics of Memories Studying]. Ed. by A.I. Miller, D.V. Efremenko. Moscow–Saint-Petersburg: Nestor-istoriya, 2018. Pp. 4–10 (in Russian).

Miller A.I. Politika pamyati v postkommunisticheskoi Evrope i ee vozdeistvie na evropeiskuyu kul'turu pamyati [The Politics of Memory in Post-communist Europe and its Impact on the European Culture of Memory], in *Politiya*. 2016. No. 1. Pp. 111–121 (in Russian).

Miller A.I. Rossiya: vlast' i istoriya [Russia: Power and History], in *Pro et contra*. 2009. No. 3–4. Pp. 6–23 (in Russian).

Politika pamyati v sovremennoi Rossii i stranakh Vostochnoi Evropy. Aktory, instituty, narrativy [The Politics of Memory in Contemporary Russia and Eastern Europe. Actors, Institutes, Narratives]. Ed. by A.I. Miller, D.V. Efremenko. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020. 632 p. (in Russian).

"Printsip domino" ["Domino Principle"] (RTR, 20.03.2015). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=RWCWIKz6Mtw> (accessed 13 March 2021).

Proshloe dlya nastoyashchego: istoriya-pamyat' i narrativy natsional'noi identichnosti [The Past for the Present: History-Memory and Narratives of National Identity]. Ed. by L.P. Repina. Moscow: Akvilon, 2020. 512 p. (in Russian).

Pushkin A.S. *Mysli o literature* [Thoughts on Literature]. Moscow: Sovremennik, 1988. 640 p. (in Russian).

Repina L.P. Istoricheskaya nauka v predmetnom pole [Historical Science in the field of Subject], in *Istoriya i istoriki v proshlom i nastoyashchem* [The History and the Historians in the Past and Present]. Moscow: IVI RAN, 2013. Pp. 5–22 (in Russian).

"Rossiya – moye istoriya" [Russia is my history]. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Rossiya_-_moya_istoriya (accessed 03 March 2021).

Rostova N.N. Filosofskaya analitika idei postpravdy [Philosophical analytics of Post-truth idea], in *Khristianskoe chtenie*. 2018. No. 6. Pp. 130–138 (in Russian).

Ryuzen I. Krizis, travma i identichnost' [Crisis, Trauma and Identity], in "Tsep' vremen". *Problemy istoricheskogo soznaniya* ["Chain of Times". Problems of Historical Consciousness]. Moscow: IVI RAN, 2005. Pp. 38–62 (in Russian).

- Tikhon Shevkunov. *Istoriya real'naya i vymyshlennaya, Mekhanizmy formirovaniya obrazov.* 4 iyulya 2017 g. [Real and Fictional history, Mechanisms of Images' formation. 4 July 2017]. Available at: <https://pravoslavie.ru/104899.html> (accessed 03 March 2021).
- Traba R. Pol'skie spory ob istorii v XXI veke [The Polish Discussions on History in 21 cent.], in *Pro et contra*. 2009. No. 3–4. Pp. 43–64 (in Russian).
- Trobst S. "Kakoi takoi kover"? Kul'tura pamyati v postkommunisticheskikh obshchestvakh Vostochnoi Evropy: Popytka obshchego opisaniya i kategorizatsii ["What sort of a carpet?" The Culture of Memory in Post-communist Societies of Eastern Europe: an Attempt at General Description and Categorization], in *Ab Imperio*. 2004. No. 2. Pp. 41–77 (in Russian).
- Halbwachs M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' [*On collective and history memory*], in *Pamyat' o voine 60 let spustya. Rossiya, Germaniya, Evropa* [The Memory of World War II. 60 Years Later: Russia, Germany, Europe]. Moscow, NLO, 2005. Pp. 16–50 (in Russian).
- Hösler J. Chto znachit "prorabotka proshlogo"? Ob istoriografii Velikoi Otechestvennoi voiny v SSSR i Rossii [What Does "Working through the Past" Mean? Historiography of Great Patriotic War in USSR and Russian Federation], in *Pamyat' o voine 60 let spustya. Rossiya, Germaniya, Evropa* [The Memory of World War II. 60 Years Later: Russia, Germany, Europe]. Moscow: NLO, 2005. Pp. 156–169 (in Russian).
- Scheide C. Kollektivnye i individual'nye modeli pamyati o "Velikoi Otechestvennoi voine" (1941–1945) [Collective and Individual Models of Memory about the "Great Patriotic War" (1941–1945)], in *Ab Imperio*. 2004. No. 3. Pp. 1–26 (in Russian).
- Shnirel'man V. Tsennost' proshlogo: etnotsentristskie istoricheskie mify, identichnost' i etnopolitika [The Value of the Past: Ethnocentric Historical Myths, Identity and Ethnopolitics], in *Real'nost' etnicheskikh mifov* [Reality of Ethnic Myths]. Moscow: Gendalf, 2000. Pp. 12–33 (in Russian).
- Shnirel'man V.A. Podelki i al'ternativnaya istoriya [The Forgeries and Alternate History], in *Fal'sifikatsiya istoricheskikh istochnikov i konstruirovaniye etnokraticeskikh mifov* [The Falsification of Historical Sources and Construction of Ethnocratic Myths]. Ed. by A.E. Petrov, V.A. Shnirel'man. Moscow: IA RAN, 2011. Pp. 17–34 (in Russian).
- Yakovenko N. Odnа Klio – dve istorii [One Clio – Two Histories], in *Otechestvennyye zapiski*. 2007. No. 1. Available at: <http://www.strana-oz.ru/2007/1/odna-klio-dve-istorii> (accessed 18 March 2021).
- Luczewski M. *Kapital moralny. Polityki historyczne w późnej nowoczesności*. Kraków: Ośrodek myśli politycznej, 2017. 440 p. (in Polish).
- Nowak A. From Empire Builder to Empire breaker or there and back again History and Memory of Poland's Role in East European politics, in *Ab Imperio*. 2004. No. 1. C. 255–291.
- Polityka historyczna: historycy – politycy – prasa*. Ed. by L. Cichocka, A. Panecka. Warszawa: Muzeum Powstania Warszawskiego, 2005. 272 p. (in Polish).
- Pro et contra*. 2009. No. 3–4.

Статья принята к публикации 15.04.2021